

Наталья Белинская

Бусы
Мнемозины

Наталья Викторовна Белинская

Бусы Мнемозины.

Роман-лабиринт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43650509

ISBN 9785005015464

Аннотация

Роман, в котором история жизни нанизана на нить памяти, ведущую через лабиринт Хаоса. Действие происходит в разных странах – СССР, Украине и Израиле. Время действия – с середины 20-го по второе десятилетие 21-го века.

Содержание

Пролог	5
Память	5
В лабиринте	7
Лабиринт: путь первый	12
Дарья	12
Вход	16
Первые воспоминания	21
Родители	25
Мама	27
Папа	30
Отец	38
Бабушки-дедушки	50
По отцу	62
И еще бабушка-дедушка	66
Снова в детство	70
Балда	71
Чужой труд	72
Кошка	73
Стадный инстинкт	74
Первые классы	76
Первые друзья	80
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Бусы Мнемозины

Роман-лабиринт

Наталья Викторовна
Белинская

© Наталья Викторовна Белинская, 2019

ISBN 978-5-0050-1546-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наталья Белинская

БУСЫ МНЕМОЗИНЫ

Роман-лабиринт

Copyright © Наталья Белинская 2019 г. Все права защищены

2019

Оглавление

Моим любимым девочкам

Пролог

Память

Все-таки странная это штука – память. По древнегреческим преданиям, ее, как и ремесла, огонь, веру и надежду, подарил людям Прометей. (Ходят слухи, что он же вылепил из глины человека, поэтому всегда испытывал огромную любовь к людям и платил за нее непомерную цену.) Хранительницей же памяти была богиня Мнемозина. В ней воплотилось духовное начало, ее союз с Зевсом дал миру девять муз – покровительниц искусств, именно она наделяет человека возможностью оставаться собой – уникальной личностью и в то же время маленьким звеном в неразрывной цепи его рода, народа, атомом космической гармонии... Мнемозина знает все, что было, и предвидит все, что будет. Однако светильник в ее руке не может осветить весь мир, а смертные пьют воду не только из источника богини памяти, но и из Леты – источника забвения, и в этом иногда заключается великая милость. Но, как показал печальный опыт человечества, люди, полностью лишённые памяти, страшны: они превращаются в рабов, зомби, янычар, манкуртов, и сон их разума рождает чудовищ...

Так что же такое память?

Полустерты той летописи письма. Не всегда из сего дня реальность видна. За морозным окном жизни будто и нет. Лишь проталинка-память – наружу просвет. Как под пленкой декали таится краса, так и память хранит лица и голоса. Из мозаики выложен яркий узор, хоть фрагменты не встык – между ними зазор. А на дереве жизни побеги растут, но питание корням дарит памяти пруд. Пруд иль омут? Там призраки прошлого есть. Что поможет спастись – совесть, лесть или месть? А возможно, не омут манит – лабиринт. Жизнь и гибель – вот тайна, что память хранит...

В лабиринте

Жизнь – всегда лабиринт, хотя бы потому, что человеку предоставлено право выбора. А выбор – это борьба, и риск, и поиск. Но особенно опасным этот лабиринт становится тогда, когда происходит наложение, и внутренний зверь, или подсознание, или просто стечение обстоятельств создают гиперлабиринт – как гипертекст, в котором нажатие на любой линк, на любую ссылку может завести куда угодно. В таком добавочном лабиринте человек может попасть не только к Минотавру, но и к Полифему – и сделать своим врагом могущественного Посейдона, и к волшебнице Кирке – и обратиться в свинью, и в сладкий плен к прелестной нимфе Калипсо – и быть вынужденным платить своей свободой, любовью, душой и телом.

Как-то, в далекую домобильниковую эру, она приехала в Москву, и ее пригласили в гости добрые знакомые, жившие в то время в секции Б аспирантского общежития МГУ. Она весь день просидела в Библиотеке иностранной литературы, зарывшись в вожаделенные тексты на английском, французском и даже, в азарте, на испанском языках. И, приехав вечером по нужному адресу, машинально направилась в секцию В, потому что именно эта буква является латинским аналогом русской литеры Б.

Нажатие на этот неверный линк тут же привело ее да-

же не в настоящий лабиринт, а, по ощущениям, в коридоры кафкианского замка. Она блуждала там всего около часа, но даже этого хватило для того, чтобы ощутить полную ирреальность и безнадежность происходящего. В нужной комнате не было ее приятелей, и таких фамилий никто даже не слышал. Она начала просто бродить по всему крылу в надежде найти кого-то из администрации. Но дежурный по этажу, как назло, куда-то отошел, а все, к кому она обращалась с вопросами, подтверждали, что да, такой-то номер находится на этом этаже, но живут там совершенно другие люди. Прекратить поиски, развернуться и уйти она не могла: ведь ее ждали, а телефона у приятелей не было. Правда, можно было позвонить вахтеру, который передаст информацию, но она-то была уверена, что находится именно на их этаже, а вахтер еще не вернулся. А тем временем у окружающих уже возникли некоторые подозрения: кто она – ненормальная? аферистка? девица легкого поведения? Когда встревоженные обитатели крыла В собрались уже вызвать милицию, у кого-то хватило ума спросить, в какой секции находится разыскиваемый ею номер. Она в недоумении ответила, что, естественно, в этой, то есть в Б. Ее с эскортом (под конвоем?) отправили в другое крыло. Там провожатые проверили, правду ли она говорила, подождав, пока ее приятели, которые уже были всерьез обеспокоены ее отсутствием, встретили ее с распростертыми объятиями.

Нельзя сказать, что она была рассеянной. Но иногда слу-

чалось: задумавшись, попадала совершенно в другую реальность, и в таком состоянии могла пойти на красный свет светофора, сесть в автобус, везущий в противоположную сторону, или вдруг вынырнуть из своих мыслей – и обнаружить себя в нужном месте, совершенно не помня, как она туда добралась. На шестом десятке лет она внезапно поняла, что ей не всегда хочется выходить из этих лабиринтов сознания, поскольку только там она могла встретить многих любимых, родных людей, которые давно ушли из жизни. Одновременно она отдавала себе отчет в том, что это ловушка, приманка, при помощи которой чудовища, обитающие в запутанных и переплетенных коридорах памяти, притягивают свои жертвы.

Хорошо зная и в какой-то мере разделяя мировоззрение, бытовавшее в античном мире, она чувствовала себя в мифах как дома. Рассказывала студентам-первокурсникам об архитекторе лабиринта, Дедале, художнике и инженерере, создателе различных удивительных сооружений, статуй и вещей, в том числе – крыльев, с помощью которых человек мог летать. Говорила, конечно, и о заточенном в лабиринте страшном чудовище с телом человека и головой быка – Минотавре, на съедение которому отправляли самых красивых юношей и девушек, и о подвиге великого героя Тесея, убившего людоеда.

Когда речь заходила о дальнейшем развитии литературы, лабиринт снова возникал на пути: он выходил за рамки

античности и охватывал своими щупальцами разные эпохи и страны. На Востоке верили, что только прохождение лабиринта может помочь избавиться от сансары – цикла перерождений – и достичь просветления и бессмертия; на Западе считали, что это способ обретения святого Грааля... Так или иначе, лабиринт, как и другие архетипы, всегда влиял на сознание человечества.

Для себя она представляла это сооружение как одушевленное существо и, в то же время, как вечный путь: в неизвестность, к сути, к гибели... к жизни – только уже иной, к жизни после инициации, жизни после преодоленной смерти. Она сама часто вспоминала то, что случилось с кем-то другим, причем более остро и живо, чем происходившее с ней: это мелькают в полутьме призрачные силуэты тех, кто уже никогда не выйдет на свет. В лабиринте скрывается страшный мутант наших фобий и комплексов, темных сил и животных инстинктов. А в центре паутины ходов – истина: иногда там находится только чудовище, иногда – бог, но движение неизбежно приводит к смертельно опасной схватке, а неподвижность – к несомненной гибели. Можно попробовать распутать узел своего лабиринта. Можно разрубить. А можно погибнуть после укуса змеи, притворившейся клубком его проходов.

Однажды она чуть не осталась в лабиринте небытия. Ее оперировали под наркозом – легким, учитывая слабое сердце, – но по прошествии расчетного времени она не просну-

лась. Анестезиолог делал все, что мог. А она в это время видела себя в очень глубоком, темном и петлистом колодце, где вокруг нее кружили жуткие крылатые существа, и надо было как-то выкарабкаться наверх, к пятнышку света, и подняться она могла, только упираясь в стенки колодца руками и ногами, срывая ногти, не глядя вниз и не останавливаясь. Потом стенки стали совсем скользкими, и без каната, сброшенного сверху, было не обойтись. Этот канат, тонкий и прочный, материализовался из имени любимого человека. Когда ее все-таки привели в себя, она еще несколько секунд продолжала твердить имя-заклинание, боясь оборвать эту эфемерную связь.

Так бывает и с памятью. Войти в лабиринт подсознания несложно. Гораздо сложнее выбраться из него, вырваться из внутренней тьмы, преодолеть все, что она скрывает. Тесею в этом помогла смотанная в клубок нить влюбленной в него Ариадны, одним концом закрепленная у входа – он же выход – лабиринта. А если на эту нить нанизать бусинки памяти, получатся бусы – длинные, неровные, извивающиеся змеей, скручивающиеся в петли. Бусины – разной величины, цвета и формы, отшлифованные и шероховатые, граненые и колючие, подобранные не по порядку, а как придется. Они утяжеляют нить, но странным образом делают ее прочнее и складываются в узор, в котором можно угадать весь пройденный в лабиринте путь.

Лабиринт: путь первый

Дарья

Ее зовут Дарья, Даша, Даня. Мама звала иногда Наночка (первым словом девочки было не «мама», а «на, на!» — делилась со всеми и всем), Апочка (наверное, от «лапочка» в младенческом произношении) и мадам Коробочка, учитывая присущие ей в детстве солидность, важность и основательность. Но когда родители разговаривали о ней между собой или с кем-то из посторонних, они не признавали никаких уменьшительных имен. Иногда в шутку говорили: Дария-Авария. Наверное, просто так, для рифмы, поскольку по натуре она всегда была человеком мирным и никаких аварийных ситуаций сознательно никому не создавала. Правда, имел место один случай, за который ей до сих пор неловко. Ей было лет 8—9, семья отдыхала на море, остановились в частном доме. Сын хозяев, ее ровесник, с которым они даже знакомы толком не были, пробегая мимо крыльца, попросил попить. Она набрала воды в кружку, но в тот момент, когда мальчик протянул руку, выплеснула воду на него. И родители ее, и даже мальчишка были уверены, что это произошло совершенно нечаянно. Но она-то знает, что не споткнулась и кружка не выскользнула — просто что-то как будто

толкнуло под руку... Как будто локтем наткнулась на невидимую стену узкого прохода. Нехорошо получилось.

Или родители видели в ней «аварийность» для нее самой? С детства было так: если уж что-то решила – не передумает. И будет стоять на своем, даже если это точно закончится неприятностями, а так бывало нередко. Кроме того, когда она немного подросла, мать предупреждала: «Если может хоть в чем-то не повезти, то тебе обязательно не повезет, так что имей это в виду». Так оно и получалось. Однако, став взрослой, Дарья поняла, что это не касалось самых важных вещей: когда доходило до вопросов жизни и смерти, ей удивительно везло. Правда, возможно, именно ее «аварийность» была причиной того, что она постоянно попадала в опасные ситуации.

Она знала, что производит на окружающих довольно обманчивое впечатление...

В один из самых сложных моментов ее жизни (90-е годы: распад СССР; развод; отъезд детей в другую страну; отсутствие зарплаты; тяжелейшая болезнь матери и необходимость самой находить выход из ситуаций, из которой не всегда можно было выйти даже объединенными усилиями) общие знакомые привели к ней в гости поэта, прозаика и режиссера – человека действительно весьма одаренного, с очень развитой интуицией. Походив по квартире, куда он попал впервые, буквально понюхав и пощупав царя-

щую в ней атмосферу и перекинувшись несколькими фразами с не знакомой ему до тех пор хозяйкой (остальное – на уровне мимики, жестов, взглядов), он сказал:

– Наконец-то я нашел место, где в это сумасшедшее время тепло и спокойно. И я вижу спокойного и безмятежного человека. Ты просто вне общего безумия. Я не хочу отсюда уходить.

А в это время ее существование сводилось к одной мысли: как сделать так, чтобы все ее близкие остались живы, здоровы и благополучны...

(И он действительно не ушел – остался в тот же вечер, и проблем ей это только прибавило, поскольку он оказался алкоголиком со всеми вытекающими из этого печального факта последствиями, но она все равно была благодарна ему – за легкость характера, безалаберность, талант, готовность всегда быть рядом и их удивительные полеты.)

Типичная славянская внешность: русые волосы, широкие темные брови дугой, широко расставленные большие карие глаза с чуть опущенными вниз наружными уголками, высокие скулы, курносый нос, пухлые губы; рост ниже среднего; маленькие, но широкие кисти и ступни. Обычно после первой встречи новые знакомые вспоминали о ней как о милой, мягкой и очень домашней женщине. И тем больше было их удивление, когда оказывалось, что суть этой клуши – упрямство (люди, которые хорошо к ней относятся, предпочитают слово «упорство»), независимость и дефицит инстинк-

та самосохранения. Как говорится, посеешь характер – пожнешь судьбу. С другой стороны, обстоятельства тоже формируют определенные черты. А может, в своеобразие ее характера внесла свою лепту и смесь кровей – русской, еврейской, украинской, сербской, – и соответствующая генетическая память...

Так вышло, что вся ее жизнь складывалась вопреки. Эта «поперечность» постепенно выросла в нее и иногда очень усложняла жизнь – и ее, и окружающих, но именно благодаря такой неудобной черте характера Дарья осознала, что слова «не могу» чаще всего значат «не хочу». Надо только признаться себе в этом – и тогда что-то обязательно поменяется. У нее выработалась привычка во всех неприятностях винить прежде всего себя. «Но так же невозможно жить!» – ужасалась ее приятельница. Возможно. Особенно когда не растравляешь свои раны, а анализируешь их причины и делаешь выводы на будущее.

Вход

Во благословение плода
Среди туч проклюнется звезда.
Пуповина ниточкой любви
Через плоть и дух протянет швы,
Нитью Ариадны поведет
Из небытия в водоворот
Звуков, красок, ярких, как лубок...

Дальше побежит судьбы клубок,
Вервие в веревку превратит,
Чтоб страховкой на краю обид,
Горя, боли, страха и невзгод
Удержать – на миг, на жизнь, на год...

Сеть событий тканью бытия
Постепенно станет.
Но, кроя,
Даже мойры не разрежут нить
С призрачным названьем «может быть».

Эта паутинка – вечный тяж,
Повседневность тянувший в мираж.
Из нее надежда ткет холсты,
Чтоб шатер раскинуть для мечты,
Вера шелком кроет парашют —

Стропы у него не подведут.

...Жизнь моя – как затяжной прыжок:
В небе мира – маленький стежок.
Для него судьба готова вить
Нить волшебной силы...

Может быть.

Ей всегда хотелось побывать в том месте, где она родилась и откуда ее увезли в полугодовом возрасте. Но, видно, не судьба...

Эта история звучит сегодня уже странно и не очень правдоподобно, хотя случилась на самом деле и представляет собой один из трагикомических поворотов жизни целой страны – очередное ответвление лабиринта, в котором до сих пор блуждают историки.

В конце сороковых годов прошлого века новая партия инженеров-обогащателей готовилась к выпуску из одного из самых крупных горных институтов страны. За несколько недель до вручения дипломов им объявили, что дипломы эти им выдадут, как и полагается, в торжественной обстановке, но не в институте, а прямо на месте будущей работы – Хабаровский край, Магаданская область, бассейн реки Колымы... Правда, угля там было мало, но зато имелись большие месторождения золота, и для работы с этим ценным

минеральным сырьем требовались обогатители. А дармовых «трудовых резервов» там хватало: это была зона страшных колымских лагерей...

Конечно, молодым специалистам объяснили, что поездка по распределению – дело совершенно добровольное, но если кто-то не отправится к месту назначения, тот вместо диплома получит волчий билет на всю оставшуюся жизнь и, возможно, окажется на той же Колыме, но уже совсем в другой роли.

Да в конце концов, где наша не пропадала! Главное, что война уже закончилась, и страна восстанавливается небывалыми темпами, и ей действительно нужно золото, и серебро, и олово, и медь, и кто, если не мы?..

И с пересадками, сначала на поездах, а потом на пароходах неунывающая шумная ватага отправилась в самостоятельную, правильную, безусловно полезную жизнь – уж они-то точно сделают ее как надо! И вся огромная страна расстилалась перед ними, и Дальний Восток открывал все свои красоты, и оказалось, что Магадан – это не край света, а Большая земля, культурный центр, где встречаются самые разные люди: русские, якуты, украинцы, эвены, евреи, немцы; а в конечной точке путешествия, поселке Нижний Сеймчан, обитают, временно или постоянно, геологи, рабочие, совхозники, бывшие заключенные... Отсюда до бараков поселка фабрики номер три уже рукой подать.

Климат бодрящий. Как пелось в старой лагерной частуш-

ке, «Колыма, Колыма, чудная планета: двенадцать месяцев зима, остальное – лето». Тайга. Полярная ночь. Северное сияние, которое чаще пугает, чем восхищает. Среднегодовая температура – 12°C. Минус 50 зимой – ну, так зима же! Из дому слали посылки с косами репчатого лука – хоть какой-то витамин. Цинга была обычным явлением. В продуктовом магазине с пустыми прилавками стояли большие деревянные бочки с черной икрой, которая надоедала так, что те, кто попадал на Большую землю, всю оставшуюся жизнь смотреть на нее не могли. Водку разметали сразу после заезда, а потом мужики чифирили, и вчерашние студенты, пока не привыкли, шарахались при виде неадекватных людей с безумными глазами, от которых совсем не пахло спиртным.

Вот в тех местах она и родилась через несколько лет, после того, как ее будущая мама съездила в отпуск домой, вышла там замуж и муж ее, как жена декабриста, поехал за молодой женой на приток Колымы – Сеймчан.

Понятие декретного отпуска было весьма относительным, и молодой маме все равно приходилось между кормлениями бегать на свою обогатительную фабрику. А дитя оставалось с... нет, не с няней, а с нянем. Григорий, бывший политзаключенный, за время своего пребывания в лагере потерял семью, селиться в больших городах ему не разрешали – поражение в правах, да и не ждал его там никто. Когда ребенок плакал, уса́тый нянь клал себе на плечо чистую пеленку, брал девочку на руки и тихонько убаюкивал, а если ей

надоедало лежать в одном положении, со словами «сейчас поменяем диспозицию» перекидывал ее на другую сторону, предварительно разместив там пеленку. Через много лет мама говорила подросшей дочке, что не видела ни одной няни, которая обходилась бы с детьми с такой заботой и нежностью. Но сама Даша его не помнила: семья вернулась в Донбасс, когда девочке было полгода.

А вот с датами получилась некоторая неувязочка. Дело в том, что в Магаданской области время на 8 часов обгоняет московское, и по местным меркам ее день рождения выпал на 23 июля, а в свидетельстве записали 22-е – по Москве. Так она и осталась между Раком и Львом, между Водой и Огнем, между Волком и Собакой, и это скрещение взаимоисключающих стихий создало очень противоречивый характер и разрывающий психику внутренний конфликт, с которыми ей предстояло учиться жить. И тип мышления она унаследовала от обоих родителей сразу: ясное, логическое, опирающееся на аргументы – от мамы и ассоциативное, образное, стихийное – от отца. Тяжело человеку выдерживать такое противоборство, а уж окружающим – и подавно...

Первые воспоминания

Удивительно яркая картинка, как моментальный цветной снимок: красивый молодой брюнет с вьющимися волосами, в ярко-желтой шелковой рубашке-апах, смеется и поднимает меня, совсем маленькую, над головой...

Я помню себя с очень раннего возраста. Моя мама говорила, что это невозможно, но я ей рассказывала то, что ни от кого знать не могла. Например, про эту картинку, которая стоит у меня перед глазами до сих пор. И она с удивлением подтвердила: да, такая рубашка была у моего отца, но на нее случайно попало вишневое варенье, и ее пришлось выбросить, когда мне было меньше года...

А вот еще: большая комната, полутемная, хотя за шторами – яркий летний день; тяжелая старая мебель. Меня за ручку подводят к какой-то старой даме, сидящей в высоком кресле, как на троне, с клюкой вместо скипетра и шалью вместо мантии... До сих пор не знаю точно, кто это. Возможно, бабушка моего отца, о которой мне ничего не известно. А вот о деде его мне рассказывали: серб по национальности, он жил в украинском селе, где его все боялись и называли ведьмаком...

И опять летнее воспоминание. Мне года два. Мы с мамой в гостях в Москве, где живут ее двоюродные братья, красавцы-фронтовики, с семьями. Взрослые разговаривают и сме-

ются в комнате. Я, кругленькая и важная, сижу на балконе. Жарко. Сижу. Жарко. Сижу. Двигаться не хочется, но жарко. Все-таки переваливаюсь через порожек балкона и объясняю свое появление:

– Сидела-сидела, потела-потела...

Новая сценка. Неухоженный, заросший травой и огромными деревьями, очень уютный двор старого дома. Самодельный стол со скамейками, где доминошники «забивают козла». Лавочки, на которых устраивается для общения и проведения досуга остальное население дома. Новость: рыжий Виля вернулся с фестиваля молодежи и студентов! Со всемирного фестиваля! Что такое «фестиваль», я, четырехлетняя, точно не знаю, но представляю себе что-то очень яркое, большое, звонкое и веселое. «Всемирный» – это вообще такое огромное, что как весь земной шар! А вот Виля обыкновенный: длинный, тощий, с копной выющихся волос цвета новогодней мандаринки, по летнему времени – в трикотажных штанах и голубой майке. Говорят, его отправили в Москву, потому что он героически сражался с фашистами и дошел до Берлина, а ведь когда война закончилась, ему было только 16 лет!

А вот и весна. Мне лет тринадцать. Март. Днем сияет солнышко, а вечером подмораживает. Уже сумерки. Мы с подружкой отпросились у родителей погулять. Я сбегая с лестницы – легкое пальтишко, вязаная пушистая шапочка, туфельки на маленьком каблучке, тонкие колготки. У подь-

езда на пару секунд останавливаюсь – так кружит голову холодный, хрустальный, юный аромат весны. Потом бегу к ожидающей меня на углу подруге. Каблучки – цок-цок-цок по озябшему асфальту. Весь мир прозрачно-сиреневый, фонари еще не горят, и я лечу в коконе напряженного ожидания неизвестного счастья...

И снова лето, но уже через год. Просыпаюсь прекрасным июньским утром. Еще не встав, через открытую дверь балкона вижу синее-синее, как на театральных декорациях, небо, пронизанное неосязаемым золотом. Небо такое плотное, что его можно резать ножом и намазывать на хлеб, и лучшего завтрака мне не надо. Снизу синеву перекрывает зелень раскидистых старых деревьев, каждый листик которых расправляется и терпко благоухает под благодатными солнечными лучами. А в самом дверном проеме застыл в воздухе и задумчиво гудит важный оранжево-золотистый шмель – концентрация этого лета...

Но вообще с насекомыми у меня отношения плохие. Вернее, любовь у нас не взаимная: они меня очень любят, особенно комары, я же этой привязанности не разделяю. Както, еще в детстве, эти маленькие вампиры искусали меня настолько, что пришлось неделю прикладывать какие-то компрессы и пить таблетки, потому что волдырики от укусов слились в сплошной покров, а под ним образовался гной. На укусы ос, как выяснилось, у меня аллергия. Лет в пятнадцать я не глядя смахнула осу с волос; она тут же справедли-

во возмутилась и цапнула меня за ладонь. После этого кисть и предплечье распухли настолько, что я через пару дней все-таки пошла в поликлинику. Врач, с интересом сравнивая две мои руки, несколько раз переспросил, не наткнулась ли я на какую-нибудь змею.

А вот зимних картинок у меня почти не сохранилось – возможно, потому, что очень не люблю холод. Мама рассказывала, что когда-то дедушка вез меня на санках и в задумчивости потерял по дороге. Я была закутана в шубу и платки, поэтому падение и лежание на снегу перенесла совершенно спокойно, без всяких звуковых сигналов. К счастью, это было недалеко от дома, и когда деду нужно было поднимать санки по лестнице, он обнаружил пропажу. Однако этого я не помню. А вот как чуть не лишилась глаза, помню, но это уже было классе в пятом-шестом. Оттепель наступила после того, как выпал снег. Растаять он еще не успел, зато снежки получались почти каменной твердости. Вот такой мне и прилетел. До дома дошла почти вслепую. Родственникам пробурчала, что просто что-то попало в глаз, и к врачу идти отказалась. Ничего, залитый кровью белок постепенно вернулся к своему обычному цвету, хотя вижу я левым глазом и теперь хуже, чем правым. Но, возможно, это случайное совпадение.

Родители

Помню квартиру, в которой мы жили, когда мне было четыре года. Большая коммуналка в «сталинском» доме в самом центре города. Наша семья – мама, ее родители и я – занимали одну комнату. В трех остальных жили другие семьи – в памяти остались даже имена: Лидия Ивановна и Кузьма Петрович Гузеевы (через несколько лет он умер, а Лидия Ивановна, после смерти моей бабушки по отцу, вышла замуж за оставшегося вдовцом деда, но пережила и его); Жёголевы – Анна Николаевна со взрослым сыном; Локоновы – Галина с мужем, которого я почти никогда не видела, и их дочка Алла, лет на шесть-семь старше меня. Вопреки распространенным представлениям о коммуналках, все жили очень дружно, вместе отмечали праздники, помогали без всяких просьб, считая это совершенно естественным, а когда квартиру расселили, до конца жизни ходили друг к другу в гости.

Я росла болезненным ребенком. Из-за этого не умела делать элементарных вещей – бегать, прыгать, шуметь. Зато много читала (а чем еще заниматься, неделями лежа в кровати?) и много думала (когда мне было лет семь, я поинтересовалась у мамы, в чем смысл жизни, чем повергла ее в ступор).

Из-за этого же появился стойкий страх не успеть чего-то важного: я уже тогда поняла, что в любой момент может слу-

читься что угодно. Я начала работать в семнадцать лет, желая доказать свою состоятельность (хотя материальное положение семьи этого не требовало); начала преподавать в девятнадцать; в день, когда мне исполнилось двадцать, вышла замуж; родила первую дочку, когда мне еще не было двадцати одного, а в двадцать два у меня уже было два диплома о высшем образовании... Понятно, что такая привычка действовать наперекор обстоятельствам сформировала не самый мягкий характер, что впоследствии и осложняло мне жизнь, и очень помогало в самые трудные моменты.

И из-за этих же постоянных болезней я чаще оставалась с бабушкой-дедушкой, чем ходила в детский сад. В основном, воспитывали меня именно они: мама работала, а отца я в детстве вообще не видела.

Мама

У мамы был очень хороший характер, хотя судьба, как и у всех людей ее поколения, сложилась весьма нелегко. Война началась, когда ей не было еще пятнадцати. Ее брат пропал без вести в первые же дни войны, а родителей и ее эвакуировали за Урал. Подростком она пухла с голоду, чудом не подхватила туберкулез. Вообще мама считала, что своим железным здоровьем обязана яблокам, которые в неограниченном количестве ела в детстве в саду ее бабушки и дедушки.

В эвакуации в семье имелось две пары валенок: одну носил ее отец, вторую – кому нужнее. Поэтому на улицу они могли выходить только по очереди, и будущая моя мама самостоятельно нагоняла пропущенное в школе, чтобы не отставать в учебе от сверстников...

Все ее документы пропали в суматохе переездов и бомбежек, и когда ей пришла пора получать паспорт, все сведения были записано с ее слов. Мама выдумала себе красивое имя – Рада (я так и не смогла выяснить, как ее называли при рождении, но родственники часто обращались к ней «Фраденька»), в дате рождения оставила свой год, но указала те число и месяц, когда родился ее любимый брат, – в память о нем, а национальность не меняла: еврейка.

– Мам, а почему ты пошла учиться на обогатителя?

– Да мы с Любкой решили, что нам нужно в индустриальный – страну восстанавливать. Приходим выбирать факультет. На горные специальности только парней берут. Дальше список читаем: «Маркшейдеры». Что это, мы не знали, но слово не понравилось: на «штрейкбрехеры» похоже. И тут – «обогатители»! Вот, думаем, это нам подходит: всех обогатим, люди хорошо заживут! Так и пошли.

Первый раз мама вышла замуж за сына добрых соседей, когда приехала домой в отпуск с Колымы. Оба – яркие, общительные, открытые, привыкшие говорить в лоб все, что думают. Однако мама – уравновешенная и правильная, отец – взрывной и эксцентричный, но это, наверное, был тот случай, когда противоположности сходятся.

К маме я относилась, как к солнышку: с ним ярко и тепло, без него плохо, но оно высоко и далеко. К огромному моему сожалению, особой близости между нами не существовало. Мама, с ее ясным мышлением классического технаря и доброжелательной общительностью, была человеком спокойным, жизнерадостным, уравновешенным и четко знающим, как должен себя вести ребенок; я с детства под эти критерии не подпадала, обладала буйным воображением и тягой к крайностям, да и отношения с внешним миром у меня не очень складывались. Мне даже в голову не приходило делиться с мамой секретами или важными переживаниями,

и эта моя закрытость и «инаковость» воздвигали между нами преграду. Кроме того, мама подростком пережила войну, эвакуацию за Урал, голод, потом – сталинскую Колыму и, наверное, боялась избаловать меня излишним вниманием, лаской, достатком. Когда мне исполнилось 13 лет, родился мой брат (мама была во втором браке), и основное внимание переключилось на него. Когда мне было 15, за мной начал ухаживать мой будущий муж, и я ушла в романтические отношения. В 17 началась университетская история, причем на первом курсе я училась и работала, потом училась на двух факультетах параллельно, а уже в 20 стала замужней дамой и мамой. Так нам с родителями толком и не удалось пообщаться, хотя жили мы еще какое-то время все вместе: мои бабушка и дедушка, родители, брат, мой муж и дочка. И через много лет, когда мы переехали в другую страну, был период, когда мы опять жили вместе с мамой, братом и моими девочками, но снова мало общались. Мама сразу начала получать пенсию, а мне надо было осваивать новый язык и непривычные условия, учиться, искать работу – не до разговоров. Но язык и работа, так или иначе, пришли, а вот мамы уже нет...

Папа

Своим папой я считала второго мужа мамы. Он прошел войну, но не дожил полгода до выхода на пенсию, то есть до 60 лет.

Я помню его лет с 4—5. Я четко осознавала, что это не мой родной папа, но для меня (по-моему, и для него) это не имело значения. Я его сразу полюбила. Помню, как я болела, а он притащил мне целый мебельный гарнитур для кукол – без коробки, прямо в сетке-авоське. Тогда он еще не жил с нами. Мы с ним разговаривали на тарабарском языке, прекрасно понимая друг друга по жестам и интонациям, а мама с притворной строгостью делала нам замечания: «Не ломайте язык!». Помню, как я болела очередной ангиной и за мной ухаживали бабушка с дедушкой. Глотать было невозможно, температура зашкаливала, а потом я заснула – и проснулась от того, что рядом с моей кроватью тихо переговаривались. Там стояли мама и папа – я очень быстро начала его так называть.

– Ну, как ты? – негромко спросил он.

– Хорошо! Только пятка чешется, – удивленная изменением своего состояния, честно ответила я.

Взрослые засмеялись, а у меня выздоровление надолго ассоциировалось с этим большим, веселым и сильным человеком.

У него были светлые немного выющиеся волосы (в конце жизни – уже совсем седые) и серо-голубые глаза. Высокий, широкоплечий, с хорошей осанкой. Был, правда, лишний вес, но это не мешало ему оставаться выносливым и подвижным.

Одевался он солидно, добротно, аккуратно и, я бы сказала, был в стиле. Тогда было принято, чтобы мужчины носили шляпы, длинные пальто и широкие брюки, а также пиджаки и галстуки.

Папа научил меня плавать, когда мне было лет пять. Обучение проходило очень просто: он держал меня за резинку трусиков, а я бултыхалась в море. Воду я любила, даже волн не боялась, и могла плескаться часами. Потом папа тихонько отпустил мою «страховку» – а я не заметила и поняла, что плыву, только когда он меня позвал уже с приличного расстояния.

Он все умел и все знал, как мне тогда казалось. С возрастом это впечатление не изменилось, и даже сейчас не знаю, где он получил очень обширные знания в самых разных областях. У него был хороший вкус, мама с ним всегда советовалась. Именно он когда-то простыми словами объяснил мне основы сочетаемости и несочетаемости цветов в одежде, разных фасонов и типов фигуры, и в дальнейшем я всегда руководствовалась этими базовыми правилами.

О его отце я ничего не знаю, кроме того, что он погиб на войне, как и мужья папиных сестер, а мать помню. Она

гостила у нас, когда мы перебрались в однокомнатную папину квартиру. Все папины родственники – мать, две сестры, брат, племянники и племянницы – жили в Донбассе, но почему-то мне кажется, что корни были то ли в Польше, то ли на Западной Украине.

У папы в паспорте было записано «украинец», но у нас в семье, да и в среде родителей очень мало кто обращал внимание на национальность. Думаю, что папа знал украинский, но говорил он всегда по-русски, причем не на «суржике», то есть русско-украинской смеси, а на хорошем, литературном русском языке, даже без украинского акцента, не шокал и не гэкал. Он прочел всю русскую и зарубежную классику и следил за современной литературой. Кроме школы, папа окончил только горный техникум, но был заместителем директора одного из самых крупных институтов по проектированию шахт в Донбассе, а значит, и в СССР. Там же познакомился с моей мамой.

У мамы и папы была разница около одиннадцати лет. Вместе они прожили лет шестнадцать. Они очень друг друга любили, и я с удивлением и радостью видела, как моя весьма сдержанная в проявлениях чувств мама целуется с папой просто так, без повода, прямо посреди квартиры.

В первом браке у папы родилось двое сыновей. Старший, Виктор, к моменту нашего знакомства был уже взрослым человеком. Он обладал даром художника, но учиться не хотел, любил выпить и, наделенный недюжинной физической

силой, в пьяном угаре был опасен для окружающих — из-за этого дважды сидел. Но, насколько я могла понять из отрывочных фраз родственников, оба раза выходил досрочно — благодаря тем самым способностям к живописи, которые ярче всего почему-то проявлялись у него именно в местах не столь отдаленных. Правда, к чести его нужно сказать, что с возрастом он остепенился и стал очень неплохо зарабатывать как гравер, причем уже не в распавшемся к тому времени СССР, а в США, куда перебрался со своим сыном от второго брака.

Младший, Саша, был старше меня на семь лет. Поскольку он тоже не отличался рвением к учебе и мать с ним не справлялась, Саня какое-то время жил у нас. Уроки с ним учила моя мама, она же узнавала у девочек-отличниц, не прогуливал ли он школу и что задали на дом. Помню, как он читал вслух биографию Некрасова, однако мысли его витали где-то далеко, и пришлось повторять второй раз, третий... Я в это время устраивала под столом кукольный домик. Когда усердный ученик в очередной раз не сумел изложить своими словами основные вехи жизни великого поэта, это сделала я — не вылезая из-под стола и не отрываясь от своего занятия.

Но аттестат Саша все-таки получил.

Папа очень любил заниматься виноградником. У родителей был земельный участок. Меня он вообще не интересовал, мама бывала там очень часто и помогала, но в основном папа все делал сам. Там росли яблоки, виноград, перси-

ки, сливы, груши, вишни, крыжовник, смородина, огурцы, помидоры, возможно, еще что-то. Папа даже маленький домик сам построил – по крайней мере, можно было переждать дождь и переночевать летом.

Еще он хорошо пел и выступал с хором (у них на работе была сильная самодеятельность).

Мой брат родился, когда маме было 40 (по тем временам – очень поздно), а папе вот-вот должен был исполниться 51 год. Пару лет мама оставалась с малым, а мы с папой ездили отдыхать вдвоем. Мы плавали в море, много ходили пешком, а один раз увидели на пляже теннисные столы – и папа, к моему огромнейшему изумлению, меня обыграл (я занималась настольным теннисом и играла, на фоне любителей, более чем прилично).

Последним летом перед окончанием школы мы с папой совершили сказочный вояж: Ленинград (тогда именно так назывался этот уникальный город) – Петрозаводск – Киж – Прибалтика. Мы еще застали белые ночи, и любовались плавным распаиванием рук мостов, и знакомились с прекрасно прижившимися на берегу Невы сфинксами, и наслаждались погодой – как по заказу солнечной (ни одного дождя за всю поездку!), но по нашим меркам совсем нежаркой. Я даже искупалась в Балтийском море, хотя именно в те пару дней, что мы там были, оно «прогрелось» всего до +12, а я терпеть не могу холодную воду.

Кизи – это сказка, и я до сих пор иногда сомневаюсь, что не путаю явь со сном.

...Наш катер причаливает к острову. Мы выходим в тишину, где стрекочут кузнечики и поют невидимые пташки, на нас обрушивается ливень солнечного света, нас берет в плен благоухающее разнотравье и затягивает непривычно простая, несуетливая и странная жизнь. Кажется, что остров почти необитаем. Недалеко – рубленая церковь, сияющая старым серебром еловой древесины. И к этой церкви неторопливо тянет воз лошадка, которую придерживает под уздцы идущий рядом мужик в неподпоясанной рубахе и домотканых штанах. А колес у воза нет: он скользит по некошенной траве на полозьях, как санки.

– Папа, а здесь еще не изобрели колесо? – вырывается у меня вопрос.

Папа был равнодушен к спиртному. То есть мог выпить несколько рюмок на праздник, в хорошей компании, но не более того. Сам делал прекрасное вино и виноградную водку – и угощал ими гостей, друзей и приятелей.

Из вредных привычек – курил. Бросал, а потом через какое-то время опять начинал.

Единственный его недостаток, который остался в памяти, – это вспыльчивость. Мог взорваться, накричать. Но я сама такая же, так что не мне возмущаться. А у него, возможно, это было связано с контузией, полученной во время

войны.

Насчет войны папа вообще ничего не рассказывал. Я и про контузию узнала не от него, а от мамы. И уже через много лет после его смерти в открывшихся военных архивах нашла информацию о том, за что он был награжден.

У папы была гипертония и часто случались кризы. Приезжала «скорая», ему делали укол, становилось полегче – и он тут же шел на работу или ехал на виноградник. Вообще не помню, чтобы он был на больничном.

Умер он скоропостижно, когда они с мамой ехали на виноградник. Стало плохо прямо на улице, причем он начал жаловаться на очень сильную боль в ногах. Потом оказалось, что оторвался тромб и это привело к летальному исходу. Поскольку все случилось так скоропостижно, делали вскрытие – и у него на сердце обнаружили несколько рубцов. То есть папа несколько инфарктов перенес на ногах.

А еще накануне он носил на руках и убаюкивал мою годовалую дочку, которая немного простыла и капризничала.

На время до похорон родственники предлагали взять девочку к себе, чтобы она не создавала дополнительных хлопот, но я оставила Анюту дома. Она единственная не понимала произошедшей в семье трагедии и была способна вывести мою маму из состояния ступора. Мама потом еще несколько лет не могла прийти в себя, тем более что всего через месяц умер ее отец – мой дедушка, но, думаю, ее психика не сломалась во многом благодаря топающей по всей

квартире и требующей внимания малышке.

После смерти папы моя мама прожила еще тридцать лет, но больше замуж не вышла, хотя была очень привлекательной женщиной: говорила, что ей никто другой не нужен.

Отец

– Ма, а где мой родной отец?

– В нашем городе и живет.

– А почему бабушка и дедушка к нам в гости приходят, а он – никогда?

– Я не разрешаю.

– Почему?

– Потому что мы развелись.

– Ну и что? Я же его дочь!

– Так мы развелись потому, что он пил. Никакие уговоры не помогали. Тогда мне его мама сказала: «Он тебя очень любит. Пригрози, что разведешься, если не бросит пить». Я пригрозила. Он обещал – и тут же запил. Сказал – с горя. Я с ним и развелась. Взяла тебя и ушла. Он бы на тебя плохо влиял.

– Так это же болезнь! Его лечить нужно было!

– Не знаю я такой болезни. Есть только вредность характера и безволие.

С моим родным отцом я познакомилась, когда мне шел восемнадцатый год. Я окончила школу, не поступила в Ленинградский университет и пошла работать в библиотеку. Моей обязанностью было сидеть за стеллажами, перебирать карточки в каталожных ящиках, проверять, все ли они рас-

ставлены по алфавиту, и стирать пыль с не поддающегося исчислению количества книг. У меня было впечатление, что мой мозг, который, как гоночный автомобиль, всегда летал на максимальной скорости, просто выключили, ударив по тормозам. Колеса блокировались, автомобиль пошел юзом – и застыл посреди дороги, аж покрышки дымятся... Кроме того, меня мучило чувство вины перед родителями, особенно перед папой: он не сказал мне ни слова в упрек, но мне казалось, что он очень тяжело переживает мое непоступление. Возможно, и постоянное нахождение в замкнутом пространстве, насыщенном книжной пылью, которая только поднималась от моей борьбы с ней, сыграло свою роль... В общем, я попала в больницу.

Лежала я в кардиологии около двух месяцев, меня лечили аспирином и гормонами, но окончательный диагноз так и не поставили. Однако вследствие такой терапии я набрала килограммов десять, да еще и покрылась прыщами, что, понятно, моего состояния не улучшало.

В тихой и сонной жизни палаты я иногда сталкивалась с неожиданными для меня вещами. Так, здесь же лежала женщина лет сорока, в прямом смысле слова красавица: хорошая фигура – как говорится, «все при ней», прекрасные черные волосы, которые она закалывала в высокую прическу, огромные темные глаза, как будто подведенные синими тенями, матово-белая кожа и румянец во всю щеку. Врачи, глядя на нее, тяжело вздыхали, а наши соседки по палате рас-

сказали мне, что у нее тяжелая сердечная недостаточность и ее замечательный цвет лица – следствие плохой циркуляции крови.

А однажды у меня страшно разболелся зуб. Я, по своему обыкновению, никому об этом не сказала, но лечащий врач на обходе заметил, что что-то не так, выяснил причину моих страданий и срочно погнал меня к зубному.

Стоматологиня заглянула мне в рот, сообщила, что лечить этот зуб надо долго, я вряд ли захочу ходить к ней несколько раз, зато удалить можно прямо сейчас. Меня приучили безоговорочно доверять врачам, и я сказала, что полагаюсь на ее решение. Врач сделала мне укол и велела немного подождать, пока лекарство подействует. Чтобы время шло быстрее, я решила завести светскую беседу.

– До чего наука дошла! – вежливо начинаю я. – Зуб нужно рвать справа, а укол делают в левую сторону!

Женщина всплескивает руками, заглядывает мне в рот и оптимистично сообщает:

– Действительно, я сторону перепутала! Ну ничего, я бы, когда начала удалять, заметила, что этот здоровый! Сейчас сделаем укольчик справа... Только у меня иголки закончились!

На поиски иголки направилась медсестра. Но был конец рабочего дня, многие кабинеты уже закрылись. Она все-таки притащила одну иглу и сбивчиво объяснила врачу, что другой не было, а эта вообще не для того, чтобы уколы в десну

делать, слишком большая и толстая, но другой же нет...

Укол все же сделали. Зуб удалили. Но на следующий день кардиологи очень удивлялись тому, что источник инфекции убрали, а состояние мое как-то резко ухудшилось.

Однако самая большая неожиданность была еще впереди.

Итак, я лежу (сизу – хожу – схожу с ума от безделья – для развлечения перевожу с английского медицинские статьи для профессора) в больнице, и вдруг заходит медсестра с округлившимися глазами и говорит, что ко мне посетитель. (Какой такой посетитель? Да еще и в неурочное время – тихий час, как он уговорил его пустить?) Выхожу в холл.

– Привет, Дарья! – говорит дяденька средних лет. – Болешь?

– Ну, как бы...

– А что врачи говорят?

– Говорят, может, то, а может, и не то...

– А выписывать собираются?

– Ну, когда-нибудь выпишут.

– Ладно, я к тебе еще приду. Вот, держи апельсины.

Я постеснялась спросить у него, кто он такой, по двум причинам. Во-первых, уникальное бабушкино воспитание дало мне убеждение, что если старшие чего-то не говорят, значит, не считают нужным, и некрасиво задавать им лишние вопросы. Во-вторых, лицо этого человека показалось мне знакомым, и я хотела сама вспомнить, где я его видела. Но до вечера мне это так и не удалось, а вечером я расска-

зала о визитере маме.

— А на кого он хоть похож был? — поинтересовалась она в недоумении.

— На меня, — машинально произнесла я, и в этот момент меня осенило: такие черты я действительно видела — в зеркале! (Как потом выяснилось, от него же я унаследовала любовь к очень крепкому чаю без сахара и ко всем острым приправам.)

Не думаю, что маму обрадовало это известие, но чувство юмора победило. Она посмеялась и сказала, что это, по всей видимости, был мой отец. Вероятно, он узнал о месте моего пребывания от своей мамы, с которой у нашей семьи были прекрасные отношения.

Потом, когда мы с отцом познакомились ближе, он оказался по-настоящему интересным человеком, эксцентричным, громким, ничего не боящимся и очень, очень много знающим. Как выяснилось, он сбежал на фронт воевать с фашистами, когда ему было 14 лет, но до передовой не добрался, поскольку был отловлен патрулем и возвращен домой. После войны окончил филологический факультет, работал журналистом и публицистом, преподавал в школе и в вузах, по крупицам собирал и, прибегая ко всевозможным ухищрениям, публиковал материалы о репрессированных украинских поэтах. Он был прирожденным филологом — как и я, и его младшая дочка. Если бы не его тяга к алкоголю, он бы казался мне вообще идеальным человеком. Но надо отдать

должное его второй жене: она делала все, чтобы удержать его от спиртного, и хоть полностью справиться с этим его пристрастием ей не удалось, но на работе он всегда был трезв как стеклышко, и, кроме родственников и очень близких знакомых, никому бы в голову не пришло, что он пьет.

Через день он опять пришел меня навестить, но на этот раз – уже с моей сестрой от второго брака. Она была младше меня на три года – незначительная разница, но внешнею, характерами и воспитанием мы отличались кардинально. Не знаю, какое впечатление я произвела на нее при первой встрече, а я запомнила легкую, сияющую, украшающую собой мир девочку-подростка в поразивших мое воображение ажурных розовых перчатках из капрона, в оборочках, затянутых декоративными шнурочками с бонбончиками («перчатки от мух», как именовала их моя сестрица). Нюра была настолько уверена в своей прелести и в том, что окружающие не могут ее не любить, что я тут же в это поверила и прониклась к ней самыми добрыми чувствами. При этом она совсем не была ангелом и иногда злоупотребляла вседозволенностью. Вот, например, случай, о котором она рассказывала мне, заразительно смеясь.

Нюра едет в троллейбусе и спрашивает у пассажирки, стоящей к ней спиной:

– Женщина, вы выходите?

Дама оборачивается и оказывается девицей лет двадцати пяти.

– Я не женщина, я девушка! – пытается она поставить на место юную нахалку.

– В вашем возрасте я бы постеснялась в этом признаваться, – парирует та.

Кстати, впервые я задумалась о своем возрасте тоже с легкой руки (вернее, языка) сестрицы. Она пришла ко мне на день рождения. Поздравление звучало так:

– Ну, поздравляю! Это сколько тебе стукнуло? Девятнадцать?

– Да.

– А мне только через три месяца шестнадцать будет! Какая ты уже старая!

Не знаю, из-за таких выходов или по какой-то другой причине, но однажды отец заявил нам:

– Вот если бы соединить ум Дарьи и внешность Нюрки и разделить пополам, получились бы две идеальные женщины.

Не могу сказать, что нам с сестрицей это заявление показалось бесспорным, тем более что мы обе, конечно, посчитали его несправедливым. У Нюры всегда было прекрасное чувство юмора, что глупым людям совершенно не свойственно. А что касается моей внешности, то я очень похожа на самого отца, которого его вторая жена, Лариса, обожала и считала красавцем. Был совершенно курьезный случай, когда я пришла навестить отца, попавшего с инсультом в больницу. Раньше я в этом отделении никогда не была и где он

лежит, точно не знала. Мне навстречу по коридору шла медсестра, но спросить у нее, в какую мне палату, я не успела.

– Вам в шестую! – произносит она вместо «здрасьте».

– Откуда вы знаете? – недоумеваю я.

– Да к отцу, небось! Одно лицо. И глазищи у вас одинаковые, – как что-то само собой разумеющееся, поясняет медработник.

Вообще этот инсульт изменил не только жизнь семьи, но и наши отношения с сестрой и Ларисой.

Лариса мне сразу понравилась своей откровенностью, хотя мы соблюдали определенную дистанцию. Она не пыталась изобразить радость по поводу общения со мной, однако я понимала, что причиной такого отношения была не я, а ее ревность к первому браку мужа: она не просто его любила, но была влюблена в него всю жизнь – и даже после его смерти. С другой стороны, она решила для себя, что я – девочка приличная и серьезная, и думала, что ее легкомысленной дочурке такое знакомство пойдет на пользу. В общем, она терпела меня как факт, не проявляя показной любезности, – и так было до инсульта отца.

Это было очень неожиданно и тяжело. Инсульт – вообще испытание нелегкое, но в каждом конкретном случае есть свои «но». Отцу было 62 года, он выглядел и чувствовал себя гораздо моложе и находился на пике своей научной карьеры. Такой живой, полный сил, громкий, не признающий ограничений... Случай был очень серьезным, думаю, что и отвезли

его в больницу не сразу (они с Ларисой гуляли где-то за городом). Я даже не хочу представлять себе ее состояние, когда ее муж на полуслове упал без сознания. Потом он еще долго не приходил в себя, и мы не могли понять, видит ли он нас, узнает ли и что вообще происходит. Он пролежал в больнице недели две, и его выписали домой – обездвиженного, потерявшего речь и с крайне плохим прогнозом. Врачи сказали, что речь вряд ли вернется, а что касается движения, то «вы его даже не мучайте всякими упражнениями, потому что все равно ничего не добьетесь; максимум, что он сможет, – это сидеть, обложенный подушками; и то вряд ли».

К счастью, мы с Ларисой поступили по-своему. Еще в больнице мы познакомились с очень хорошим массажистом и физиотерапевтом, попросили научить нас основам массажа и рассказать, как в таких случаях работают с мышцами, чтобы не было атрофии. И ежедневно на протяжении трех лет я приезжала к ним домой, и, несмотря на спастическую боль и депрессию отца, мы делали все, что нужно: зарядку, купания, речевые упражнения, освоение элементарных навыков... Первое время активно помогала Нюра, но потом, убедившись, что мы и вдвоем справляемся, как-то отошла на задний план.

Через три года отец сам (с палочкой) ходил по квартире, с нашей помощью спускался на прогулку во двор с четвертого этажа «сталинского» дома и поднимался в квартиру, ездил на велотренажере, смотрел телевизор и читал газеты. Прав-

да, речь у него так и не восстановилась, но отдельные слова он выговаривал, мы учились его понимать – и в результате общение наладилось. Конечно, все это было ужасно для него самого, учитывая, насколько энергичным и независимым человеком он всегда был, но как далеко мы ушли от медицинских прогнозов!

К сожалению, потом у него случилось еще два инсульта – не таких тяжелых, как первый, но ходить он уже не мог. И в таком состоянии прожил семнадцать лет.

Мы с Ларисой стали по-настоящему близкими родственниками. Более того: она даже маму мою начала приглашать в гости – и у них сложились добрые отношения. После переезда моей семьи в Израиль мы все время общались с Ларисой по телефону, и только благодаря ей наша с сестрой связь не прервалась окончательно.

А на кафедру, которой заведовал отец до болезни, три года не брали нового зава – все надеялись, что он вернется...

В семье существовало повторение имен, которое иногда приводило к забавным ситуациям. Мою бабушку по отцу звали Дарья. Так же зовут меня и мою племянницу, дочь моей сестры по отцу. А моя старшая дочь, Анна, – тезка своей тети.

С пяти лет я водила девочку на танцы. Однажды, разыскивая меня по какому-то делу, отец позвонил моей маме и поинтересовался, где Дарья. Мама сообщила, что я пошла

с Аней на танцы.

– Безобразие! – возмущается отец. – Уже сами мамыши, а туда же – на танцы! Куда только мужья смотрят...

Порой путаница происходила и в родственных отношениях. Вот утро; моя сестра, еще не продрав глаза, выползает на кухню. Там отец уже пьет крепчайший чай вприкуску с сигаретой. Лощеная кошка, зеленоглазая брюнетка по имени Коша, не курит и не пьет чай, поэтому бросается к Нюре, надеясь разделить ее завтрак.

– Иди, иди, тебя дедушка покормит, – бурчит моя сонная сестрица.

– Интересно, кому из присутствующих я прихожусь де-душкой? – грозно вопрошает отец.

Коша на цыпочках покидает помещение...

К сожалению, родителей уже нет, а мы с сестрой и племянницей, которая стала замечательной мамой четверых детей и сделала очень успешную карьеру, живем в разных странах: я в Израиле, они – на Украине, в Киеве, куда переехали из Донбасса еще до Майдана и разгоревшейся после него гражданской войны. Общаемся с сестрой очень редко, только когда я звоню поздравлять ее с очередным днем рождения. Средства общения по Интернету Нюра так и не освоила, писать обычные письма уже лень, а связываться со мной по телефону для нее очень дорого. Раньше все новости передавались через Ларису, потом – через племянницу, которая,

естественно, чувствует себя во «всемирной паутине» как дома, но противоположность наших с ней взглядов на украинские события привела к тому, что Даша перестала мне отвечать. Вот не станет меня – и две ветви семьи будут полностью изолированы. Очень жаль.

Бабушки-дедушки

По маме

– Соня, а сделай мне стаканчаю!

Я долго думала, что любимый дедушкин напиток так и называется: стаканчаю. Это чай, но там очень мало заварки, поэтому он имеет золотистый цвет, и делать его можно только в стакане с подстаканником. Отсюда и название.

А еще я в детстве слышала, что есть такая книжка – про рыцаря, которого звали Донкий Ход. Донкий – наверное, потому что он был испанцем, доном, но тонким, а Ход – потому что на месте не сиделось. И он мне представлялся похожим на дедушку: энергичный, худой, только повыше – все-таки рыцарь, надо доспехи носить, а на невысокий дедушкин рост вряд ли делали...

– Бабушка, дай, пожалуйста, десять копеек!

– Зачем тебе?

– На мороженое!

– Ты сегодня уже ела мороженое.

– Ну, в кино с девочками схожу.

– В один день – и мороженое, и кино? Не слишком много?

Сегодня не праздник! Ладно, возьми, но завтра не проси!

Ничего, у меня дедушка есть!

– Дедушка, дай, пожалуйста, десять копеек!

– Вот, на, возьми двадцать. А зачем тебе?

И внешне, и по характерам бабушка и дедушка полностью отличались. Правда, оба – очень добрые, но эта доброта выражалась по-разному: открыто и порывисто – у дедушки, тихо и сдержанно – у бабушки.

Дедушка – смуглый, сухощавый, болезненный; при этом большую часть жизни он провел на физической работе, в разъездах, рыл окопы во время войны – и выдерживал все. Он как бы законсервировался в определенном возрасте и больше не старел. Людей с такой внешностью я потом увидела в Израиле. Их называют сефардами – «испанцами», поскольку это выходцы из Испании, хотя оттуда их изгнали еще в пятнадцатом веке. И здесь же, в Израиле, я слышала странные тягучие напевы: похожие мелодии без слов иногда напевал дедушка. Когда я спрашивала, что это, он отвечал: «Ария из оперы «Не тяни меня за ухо». Но с ушами все было нормально: у дедушки и всех его многочисленных братьев и сестер был прекрасный музыкальный слух, а его младший брат уже после Отечественной стал профессором консерватории по классу скрипки. Мне это качество, к сожалению, не передалось.

Бабушка – белокожая и зеленоглазая пышечка, типичная ашкеназка, как именуют евреев из Центральной Европы, крайне сдержанная и немногословная, в отличие от дедушки – типичный интроверт, никогда не жаловавшаяся на здо-

ровье. Прервать ее домашние хлопоты и обихаживание большой семьи могло только резкое падение давления, когда ноги вдруг подкашивались, или периодически повторяющееся воспаление легких – и то она вылеживала не больше нескольких дней. И при этом я не могла представить их друг без друга. Самые сильные их разногласия выражали в дедушкиной фразе, произносимой сокрушенным тоном: «Ах, что ты за человек?». Бабушка обычно на этот риторический вопрос ничего не отвечала, но поступала по-своему, то есть правильно.

– Скажите, откуда вы родом?

– Из Донбасса.

– Удивительно! У вас прекрасный литературный русский язык – это редкость в наше время! И никакого акцента, никакого говора... Наверное, такая речь из семьи, от бабушек-дедушек?

– Именно так.

– А кто из них был филологом?

– Никто. У них даже системного образования не было.

Да, и у дедушки, и у бабушки был совершенно чистый и богатый русский язык, хотя они происходили из совершенно разных семей и по-разному провели детство и юность. Дедушка и на украинском разговаривал так же легко и кра-

сиво, бабушка – не знаю, не слышала. Между собой они беседовали на идиш – в основном тогда, когда обсуждали методы воспитания детей (в частности, меня), и я начала понимать этот язык на чисто интуитивном уровне. Дед был очень коммуникабелен, и на моей памяти прилаживался к половине города. На идиш он мог заговорить и на улице – с любым знакомым евреем или даже с незнакомым человеком, если что-то в его внешности выдавало соплеменника. Бабушка просила его так не делать, поскольку опасалась каких-нибудь неприятностей, часто случавшихся с евреями в истории Украины. Но Донбасс интернационален по сути своей: в этот богатый черноземом и углем край, промышленный центр, с девятнадцатого века люди тянулись за работой, а после двух мировых войн именно он помогал стране встать на ноги. В этой «всесоюзной кочегарке» все находили себе место – русские, украинцы, евреи, татары, греки... Именно Донбасс через много десятилетий станет камнем преткновения для неонацизма, поднявшего голову на Украине, и примет на себя страшные удары гражданской войны. Но в пятидесятые-шестидесятые годы, конечно, такое даже в страшном сне никому не могло привидеться, и бабушкины опасения, к счастью, были напрасны.

Дед моего деда пришел на Украину из Прибалтики и ни по-русски, ни по-украински не говорил. Он держал лавочку, и когда покупатель просил какой-нибудь товар, он тыкал пальцем во все по очереди и спрашивал: «Это? Это?». У него

получалось «гэто?». Его так и прозвали – Гэто.

Дедушкин отец работал на мельнице. Надо было кормить огромную семью. И первую часть жизни мой будущий дедушка провел в селе. Я, совершенно городской человек, унаследовала от него любовь к природе и к лошадям.

– После Гражданской я занимался поставками. В селе закупал продукты, в город на базы доставлял. Не я сам, конечно, – нанимали людей. Но возить с собой приходилось очень большие суммы денег: тогда через банки не рассчитывались. А шпана поджидала на каждом шагу, да и банд было много. Я брал старый портфель, ручка бечевкой привязана, и ехал по городу на трамвае. Портфельчик в ноги себе бросал, если сидел – даже глаза прикрывал, вроде дремлю. Ни разу никто не пробовал утащить.

Учился он года три, да и то в хедере – начальной еврейской школе. Однако, неизвестно откуда, у него была настолько большая тяга к русской литературе, что помещик разрешил ему, подростку, брать любые книги из своей библиотеки, и к 14 годам парень перечитал всю классику.

А курить начал лет с десяти. Курил сначала махорку, потом папиросы – «Казбек», потом «Беломор». И так продолжалось больше шестидесяти лет. Его «кашель курильщика» становился сильнее. Дед пошел к врачу. Вернулся домой, выбросил папиросы – и больше ни разу не закурил.

– Дедушка, а что тебе врач сказал?

– Все что надо сказал. Убедительно.

А вы говорите – бросить курить трудно. Другое дело, что врача с такой силой убеждения найти совсем не легко...

Старшие бабушкины родственники попали на Украину из Белоруссии. По семейной легенде, ее отец был секретарем Любавичского ребе. Благодаря отцу в семье царил очень строгий религиозный уклад, но детей было не так много по тем понятиям: всего пятеро. Когда моей будущей бабушке исполнилось 12 лет, она, с ведома и при содействии ее мамы, из-за напряженных отношений с отцом ушла жить к своим светским тетям и, после домашнего религиозного диктата, на всю жизнь осталась атеисткой. Дедушка тоже был неверующим, но, умирая, он попросил мою маму, чтобы та пригласила на его могилу ребе – прочитав поминальный кадиш. И мама это сделала, хотя была членом партии и ничего, имеющего хоть какое-то отношение к религии, на дух не переносила.

Вообще о прошлом бабушки я знаю мало, да и то с маминых слов: бабушка никогда ничего о себе не рассказывала. Кажется, она несколько лет училась в гимназии; возможно, окончила какие-то курсы. Потом давала частные уроки и была воспитательницей у детей зажиточных родителей; а после войны работала бухгалтером.

Судьба свела Софью и Соломона в Кременчуге, где они

и поженились. Там же родились их дети. Во время Великой Отечественной эвакуировались за Урал – под призыв дедушка уже не подходил по возрасту. А потом вернулись не в Кременчуг, где у них уже никого не осталось, а в Донбасс, где и рабочие руки всегда требовались, и дочка могла получить хорошее образование.

У бабушки Сони был уникальный характер: я бы сказала – характер английской леди или немецкой фрау, насколько я их себе представляла по книгам и фильмам. Позже я познакомилась с Мэри Поппинс – тоже подходит, но бабушка никогда не позволила бы себе летать на зонтике: это неприлично. Я не помню ни одного случая, чтобы бабушка вышла из себя или подняла на кого-то голос. Она делала в доме всё. Когда я вышла замуж и мы начали жить отдельно, я не умела готовить, но вспоминала, как при мне колдовала над кастрюлями и сковородками бабушка, и освоила эту науку довольно быстро. Бабушка же научила меня ухаживать за домашними цветами. Она прививала мне хорошие манеры, любовь к порядку и сдержанность. Она была осторожной и смелой, строгой и очень заботливой. Когда умер дедушка, с которым они прожили около шестидесяти лет и были, при всех различиях, одним целым, у его постели находились бабушка и мама, а я вышла за чем-то в соседнюю комнату. Поняв, что произошло, мама громко всхлипнула. Реакция бабушки была моментальной: «Тише! Не напугай детей» (имелись в виду моя годовалая дочь, которая все равно не понимала, что

происходит, мой восьмилетний брат, игравший во дворе, и, судя по всему, я – уже жена и мама). А когда я была маленькой и не хотела идти в садик, я говорила: «Бабушка, кажется, у меня начинает болеть голова», и бабушка оставляла меня дома, а чтобы голова не разболелась, мы шли на дневной сеанс в кино. Правда, если я заявляла что-нибудь вроде «лед такой холодный, что даже как будто горячий», она сразу ставила все на свои места: «Нет, горячим бывает чайник или утюг, если его нагреть, а лед и снег всегда холодные». Возможно, моему не в меру буйному воображению и нужна была такая узда реальности...

Зато с дедушкой мы тайно приобретали книжки. Для всех домашних отдых заключался в чтении (дедушка даже покупал журнал на идиш). Но поскольку ставить «взрослые» книги было уже некуда, мама и бабушка дарили мне только избранные экземпляры: роскошно изданные сказки и чудесные стихи и рассказы детских авторов. Однако уже в десять лет я зачитывалась Дюма, а в двенадцать-тринадцать – Стефаном Цвейгом и Сомерсетом Моэмом, не говоря о Чехове, Куприне и Тургеневе.

– Дарья, что ты читаешь! Это тебе еще рано! – пыталась навести порядок мама.

– Оставь ребенка в покое. Было бы рано – не читала бы, – тут же заступался дедушка.

Так вот, мы с дедушкой потихоньку сговаривались и отправлялись за новым, юбилейным изданием моего любимого

го Лермонтова или, например, за двухтомником О. Генри – как же без него? В таких случаях я даже не протестовала против того, что дедушка встречал меня прямо у школы. В остальные же дни я не разрешала себя провожать или встречать уже с первого класса, и дедушка шел по другой стороне улицы, как бы гуляя и стараясь не попадаться мне на глаза.

Бабушке Соне восемьдесят восьмой год. Она живет с моей мамой на двенадцатом этаже нового дома. Лето. Мама уехала в отпуск, и поэтому я временно переселилась к бабуле – мало ли...

Вечером бабушке становится нехорошо: очень болит живот, но ни на отравление, ни на желудочную инфекцию не похоже. Проходит немало времени, пока бабушка соглашается на вызов «скорой». «Скорая» приезжает не слишком быстро. Осмотр бабушки ничего не проясняет, и мы едем в больницу. Там бабушка еще какое-то время лежит в приемном покое, потом она говорит, что боль уже прошла, но ей на всякий случай делают рентген,жимают плечами и отпускают домой. Возвращаемся уже в начале первого ночи и обнаруживаем, что лифты отключили. О том, чтобы идти наверх пешком, и речи нет, учитывая бабушкин возраст, усталость и вероятность возобновления болей. Больше всего я боюсь, что бабуля сейчас расстроится, поскольку не сможет дойти до квартиры, и придется опять вызывать «скорую» –

уже по поводу сердца.

– Бабушка, ты, главное, не волнуйся! – начинаю я психотерапию.

– Да я и не волнуюсь.

– Как не волнуешься? – удивляюсь я. – Лифт же не работает!

– Ну, заработает когда-нибудь. Ничего страшного. Главное – свет есть. Сейчас лето, ночи теплые, в крайнем случае, здесь посидим.

– Так никакой же скамеечки нет!

– А ступеньки на что?

– Сесть-то ты сядешь, а встанешь потом как?

Но слова «посидеть», «скамеечка» и «ступеньки» наталкивают меня на здравую мысль.

– Ба, ты меня тут несколько минут подождешь? Я сейчас приду!

– Конечно, иди, куда надо. Я пока постою, а там видно будет.

Несусь на двенадцатый этаж. (Без передышек! Вот что значит стресс.) Хватаю табуретку. Скачу вниз. Бабушка на месте, совершенно спокойна.

– Бабушка, а на один этаж ты можешь подняться?

– Конечно! Я же не инвалид!

Одной рукой бабушка держится за перила, второй – за меня. Я тащу табуретку. Поднимаемся на один этаж, я ставлю табуретку и усаживаю на нее бабушку. Несколько минут от-

дышаем. Еще на один этаж. Табуретка, отдых. Потом на следующий...

Не прошло и часа, как мы вскарабкались на двенадцатый этаж. Бабушка вошла в квартиру, практически не запыхавшись, легла спать и спокойно проспала до утра.

А через год бабушки не стало. Ее увезли в больницу с сильнейшими болями в животе, но сделать ничего не успели. При вскрытии обнаружили большую опухоль. Врачи объяснили, что в таком возрасте рак может развиваться гораздо медленнее, чем у молодых людей...

Болью бабушки Сони и дедушки Соломона был их пропавший сын Фима, старший брат моей мамы. Летом 1941 года он, семнадцатилетний, только окончил школу, для призыва еще не подходил, но не раздумывая присоединился к ополчению. Люди шли на верную гибель: против танков – с вилами, косами и старыми берданками. (Кто мог подумать, что в 2014-м их потомки будут пытаться остановить свои же – украинские! – танки голыми руками!) Домой парень не вернулся, вестей от него не было. Дедушка пытался разыскивать его и во время войны, и в мирное время, но получил только справку об отсутствии информации. Правда, в конце сороковых пришло письмо от председателя одного из колхозов о том, что Фима попал туда еще в 1941-м, поработал немного и ушел с отходящими с Украины частями Красной Армии. Потом кто-то из знакомых говорил, что его

видели в военном железнодорожном составе уже в 1943 году. И это все, что стало известно. Мои последующие поиски тоже не дали никакого результата.

По отцу

Дедушка Миша со стороны отца, строго говоря, не был нам с Нюрой дедушкой. Он женился на бабушке Даше и усыновил ее ребенка. Но он был замечательным дедом – очень добрым, спокойным и все умеющим. У меня не сохранился аквариум-картина, который он смастерил, но сейчас – в другой стране, в другой жизни, в полностью изменившемся мире – напротив моего компьютера висит на стене большая мамина вышивка в роскошной резной раме его работы.

В детстве я гордо говорила: «Мой дедушка – настоящий сапожник!», поскольку считала, что если человек может починить обувь, то ничего невозможного для него нет. А на самом деле дед был прирожденным инженером. Вся неработающая техника у него в руках начинала работать. А если имеющиеся инструменты не очень подходили для того, что он собирался сделать, он тут же мастерил новый. Он успел повоевать и в Гражданскую, и в Великую Отечественную. У него было много наград, но он о них никогда не рассказывал, и мы видели их только на «парадных» фотографиях. Потом уже я нашла его наградные листы и прочла, что его военной специализацией были сбор, ремонт и отладка артвооружения, причем он занимался этим даже на передовой в ходе боев. А после войны он переключился на строительство и как консультант бывал в других странах (представить трудно: загранко-

мандировки в 50-е годы, да еще и с женой!).

К сожалению, и из-за этих командировок, и потому, что мама с отцом были в разводе, я видела дедушку Мишу и бабушку Дарью нечасто, но зато каждое свидание становилось праздником. Они приходили в гости красивые, нарядные, с подарками и угощениями, и мы все – две бабушки, два дедушки, мама и я – пили чай и разговаривали, причем я была на равных со взрослыми.

Бабушка Дарья была машинисткой-стенографисткой. Когда-то она показала мне странные закорючки, каждая из которых могла обозначать целое слово, и я, заинтересовавшись, быстро выучилась стенографировать. Меня это выручало потом в университете, поскольку я записывала лекции буквально дословно, но моих одноклассников очень нервировало: все лекции есть – а списать невозможно!

Эта бабушка всегда казалась мне настоящей дамой: завитые и аккуратно уложенные волосы, черный костюм, белоснежная блузка с кружевами и туфли-лодочки – обязательно на шпильке. В повседневной жизни так не выглядела ни одна известная мне женщина. Все говорили, что внешне я очень похожа на нее; кроме того, мы были тезками. Отец считал, что меня назвали Дарьей именно в честь его мамы; моя мама говорила, что ни в какую ни в честь, а просто имя нравилось. Но при этом она была в самых теплых отношениях со свекровью, даже после развода с ее сыном. Причем инициатором этого развода была именно бабушка Даша, хотя (или именно

потому, что) она очень любила мою маму. Они обе посчитали, что таким образом смогут пресечь тягу отца к алкоголю, а потом и сойтись можно. Увы!..

У бабушки Даши было больное сердце. Из-за этого врачи категорически запретили ей работать, но ее неумная энергия требовала выхода – и была направлена на вылизывание квартиры, готовку изысканных блюд и обихаживание дедушки. Она умерла, когда ей было чуть больше шестидесяти. Дедушка был рядом с ней во всех больницах. А за несколько дней до смерти ее выписали домой. Я пришла ее проведать.

– Дашенька, а у тебя молодой человек есть?

– Есть.

– А он красивый?

– Нет, бабушка.

– Как я рада! Это очень хорошо! Красивый – всегда чужой. Жаль, что я не доживу до вашей свадьбы. И до твоего совершеннолетия не доживу.

– Бабушка, что ты такое говоришь! Мне восемнадцать будет через три дня! Ты обязательно доживешь – я знаю!

Я не утешала ее – я действительно была в этом уверена. И оказалась права. Бабушка умерла на следующий день после моего дня рождения. А мне об этом даже не сказали: я как раз умудрилась сильно заболеть, а поскольку от бабушки мне досталось не слишком здоровое сердце и я сама недавно выписалась из кардиологии, меня решили не волновать. Проговорились уже после похорон.

Бабушка оставила мне маленькие золотые часики. Это единственная ценная вещь, которую я не продала в тяжелые девяностые. Я ношу их до сих пор.

И еще бабушка-дедушка

С самого детства и на протяжении всей жизни у меня складывались замечательные отношения с бабушками и дедушками – неважно, своими или чужими. Сейчас я уже сама бабушка, но если в радиусе нескольких сотен метров есть человек лет на двадцать меня старше, он по любому поводу обратится ко мне.

И взаимные симпатии с дедушкой и бабушкой моего будущего мужа тоже проявились при первой же встрече. Это были совершенно уникальные люди. По-моему, нагрубить им или пойти на открытый конфликт никому даже в голову не могло прийти. Когда Макс пытался о чем-то поспорить с бабушкой, он обычно начинал так: «Бабушка, ты интересная женщина!». И тут же получал ответ, после которого уже никакие дискуссии не имели смысла: «Я знаю! Мне об этом еще шестьдесят лет назад говорили!».

– Ревекка Исааковна, а что это вы пишете? По-моему, не по-русски!

– Да, на немецком и французском. Вспоминаю разные пословицы. Не зря же мы учили языки в гимназии!

Дедушка, Вульф Абрамович, родился в бедной многодетной семье евреев-литваков, жившей в черте оседлости.

Но ему повезло: отец его был учителем, причем человеком весьма образованным. Сам Вуля учился в хедере; ребе преподавал ему и русский язык. А основы иврита, немецкого, французского и естественных наук дал отец. Когда появилась на свет еще одна малышка, у матери уже не было ни молока, ни сил возиться с ней, и он, подросток, выкармливал девочку из бутылочки. Больше всего в жизни он хотел учиться: еще до революции сначала блестяще окончил четырехклассное училище в Польше, потом решил поступать на инженера. Но именно в том году евреев перестали допускать к вступительным экзаменам. Правда, его, как талантливого абитуриента, соглашались взять – если он примет православие. Однако он отказался и уехал во Францию, где стал студентом медицинского факультета. Параллельно давал уроки и работал гувернером: надо было добывать деньги на жизнь и помогать родителям. Потом вернулся в Россию, уже после революции учился в Московском университете на медицинском факультете и на психологическом отделении философского. Затем вместе с женой-биологом переехал в Донбасс: здесь, в городе Сталино, который через много лет переименуют в Донецк, открывался институт по изучению профессиональных промышленных заболеваний. Затем Вульф Абрамович создал кафедру гистологии в только что открывшемся мединституте. Кстати, в 50-60-е годы этот институт был одним из лучших в Союзе, поскольку сюда, в провинцию, съехались прекрасные медики, не желавшие попасть в столицах

под репрессии в связи с «делом врачей».

Профессор ушел на пенсию в возрасте восьмидесяти лет, но его ученики, уже ставшие профессорами и доцентами, продолжали у него консультироваться, а сам он завершал свою главную работу по профессиональным заболеваниям шахтеров. Монография не была издана: уж очень фамилия автора отдавала ортодоксальным иудейством. Деда попросили сменить ее на «более благозвучную» или добавить соавтора с «правильной» фамилией. Он опять отказался.

Он скоропостижно умер на 91-м году жизни, причем до последнего дня сам убирал свою комнату, несмотря на возмущения женской части семейства. Фразу «человек жив до тех пор, пока его помнят» я впервые услышала от него. Думаю, что так оно и есть. И хочу, чтобы дорогие мне люди жили как можно дольше.

При этом я иногда радуюсь, что все мои старшие близкие ушли, не испытав крушения жизни при жизни: они не застали распада Союза и раскола мира; они не попали опять под бомбежки (в Израиле ли, где военное положение – практически норма жизни, в Донбассе ли – гражданская война на Украине в XXI веке!); они не услышали нереальное, казалось бы, слово «жидобандеровец»; не узнали про осквернение и снос воинских памятников и еврейских кладбищ, не увидели факельных шествий, нацистских флагов и здоровых, откормленных вахлаков с вытатуированными свастиками, скидывающих руки в фашистском приветствии;

и не пришлось им ходить по улицам, носящим теперь имена палачей и антисемитов: лидера и идеолога украинского национализма и организации ОУН-УПА Степана Бандеры (бывший Московский проспект) и главнокомандующего Украинской повстанческой армией Романа Шухевича (бывший проспект Ватутина)...

Снова в детство

А теперь еще о нескольких событиях из детства, наложивших отпечаток – иногда внутренний, иногда внешний – на всю мою дальнейшую жизнь.

Балда

Мне года три-четыре. Я, очень спокойный и солидный ребенок, реву так, что сбежалась вся коммуналка. Соседская девочка, которая уже училась в школе, может, даже в третьем классе, снизошла до того, чтобы рассказать мне, мелюзге, какие бывают вредные учителя: сразу двойку могут поставить, если задание забудешь сделать! Я не поняла, в чем вредность, потому что знала, что школа – это место, где надо учиться и делать все уроки. Тут же сообщила об этом ученице, которая махнула рукой и беззлобно сказала: «Балда! Вырастешь – узнаешь!». И вот я заливаюсь слезами и ору на всю квартиру. Если бы она сказала, что я плохо бегаю или, как маленькая, не гуляю без старших, я бы не плакала: неприятно, зато правда. Но балда – это у кого голова пустая, а у меня не пустая! Все взрослые говорят, что я умная! И сказок я знаю больше этой Аллы, и стихи могу долго без остановки рассказывать, и даже целые книжки помню наизусть! А тут на мою голову сказали «балда»! А это неправда!

До сих пор помню эту обиду за несправедливость. Потом выяснилось, что жизнь вообще довольно несправедливая штука, и самый глупый вопрос, который можно по этому поводу задавать, – это «за что?».

Чужой труд

Тот же возраст, та же коммуналка. Мама привела меня из садика. Бабушка как раз закончила мыть пол и накрывает большой круглый стол свежей скатертью. Я не хочу есть, и она наливает мне чай, кладет в розетку мое любимое вишневое варенье, дает серебряную ложечку, подаренную мне «на первый зубик». Я, как все взрослые, пью чай из блюдечка, но предметы начинают вредничать: сосредоточившись на блюде, я нечаянно задеваю ложку, которую уже успела положить в варенье, и она шлепается на чистую скатерть, а оттуда – на только что вымытый пол. Я продолжаю солидно пить чай, стараясь не привлечь к себе мамино внимание. Но мой номер не проходит.

– Нехорошо, Даша! Ты испачкала скатерть и пол, а бабушка убирала. Возьми тряпку и вытри! Нужно уважать чужой труд.

Указание насчет тряпки я ожидала, но про труд не поняла.

– Почему труд чужой? Бабушка же моя!

– Бабушка твоя, а труд – ее! Вот когда ты сама все сделаешь, он будет твой.

Тогда мне совсем не понравилось такое деление, но хорошо, что я его запомнила. Пригодилось.

Кошка

Я гуляю во дворе, бабушка на скамеечке читает газету. У меня ободранные коленки в зеленке и панамка на голове. Я ее не люблю, но деться некуда: лето! Я залезаю в огромные лопухи, ничего интересного там не нахожу и иду в другой конец двора, к большой старой шелковице, проверить, не созрели ли уже сладкие ягоды, от которых рот и руки становятся черными. Однако до ягод дело не доходит: с нижней ветки дерева свисает чей-то хвост! Я понимаю, что к нему прикреплена кошка, но, поскольку ее не видно из-за густой листвы, дергаю за этот хвост, как за веревку воздушного змея, когда надо, чтобы он опустился. Правда, кошку я так и не успела подробно разглядеть: она издала боевой клич, вцепилась в мою руку, вспорола ее своими когтями и унеслась все в те же лопухи. Я сначала даже боли не почувствовала – увидела только кровь и решила, что пора идти к бабушке. Пока шла, полились слезы. Но я не жаловалась на кошку: понимала, что сама виновата – ведь это был ее хвост!

Шрам остался до сих пор. Самое удивительное, что эта история никак не отразилась на наших с кошками добрых отношениях.

Стадный инстинкт

Странная вещь: я всегда очень близко к сердцу принимала какие-то нелестные (совершенно не обязательно грубые, но чем-то задевающие меня) высказывания по моему адресу, но, поступая тем или иным образом, никогда не обращала внимания на то, что по этому поводу подумают окружающие. С детства и до сих пор меня волнует мнение только самых близких мне людей – и моя внутренняя оценка. Часто такая манера поведения приводит к неприятностям, но я ведь знаю, на что иду!

Мама забирает меня из садика. Уже на выходе ее окликает воспитательница.

– Как вы воспитываете эту девочку?

– Она что-то натворила?

– Как раз не натворила. И это поразительно. Сегодня мы возвращались с прогулки. Нужно пересечь проезжую часть. Я детей предупредила: у бордюра остановиться и без команды дорогу не переходить. Но они уже голодные! И все, все несутся через дорогу! Я кричу – никто не слышит. Только один ребенок спокойно стоит на месте. Вот этот. Я у нее спрашиваю: «Почему ты не побежала со всеми?». Говорит: «Я могу и постоять, а взрослых нехорошо заставлять волноваться». Теперь я у вас спрашиваю: под каким колпаком

она растет? Даже взрослый бы побежал, когда несется толпа,
а на нее стадный инстинкт не действует!

Первые классы

В первом классе у нас была замечательная учительница – Мария Эммануиловна. Я тогда уже читала про гимназию и думала, что классные дамы там выглядели именно так: пожилая (по меркам семилетнего ребенка), с заколотым на макушке пучком рыжевато-каштановых волос, в темном платье под горло, с белым воротничком... Она нас не баловала, легко держала дисциплину в классе, но ее доброта и чувство юмора окутывали и пестовали нас и заставляли навсегда привязаться к этой маленькой некрасивой женщине.

– Гриша Куренков, что такое ударение? – спрашивала она.

– Это такая палочка в слове... – пытался выкрутиться не слишком прилежный Гриша.

– Вот взять бы эту палочку и кое к кому приложить! – сдвигала брови Мария Эммануиловна, одновременно глядя нерадивого ученика по коротко стриженной голове. И на следующем уроке Григорий сам поднимал руку и рассказывал про выделение голосом слога в слове и про то, как это может помочь правильно писать сомнительные гласные. Например, так можно проверить одно «о» в слове «молоко»: вспомнить слово «молóчный».

– А кто знает, какая буква пишется после «м»? – интересуется коварная учительница. Мою поднятую руку она сначала «не замечает», ожидая ответа от притихшего класса.

Но желающих рисковать (понятно же, что «а», но почему она тогда спрашивает?) больше не находится.

– Мо-ло-ко! – радостно сообщала я.

– А откуда ты знаешь?

– А мы с бабушкой часто гуляем, а мимо машина проезжает, на ней так написано!

Такой вариант обучения, очевидно, не предусмотрен в правилах запоминания безударных гласных, но все-таки машина – не забор! И учительница делает поучительный вывод:

– Видите, дети, для того чтобы знать, как пишутся трудные слова, нужно много читать. И лучше всего – читать книжки, а не все подряд на улице!

Но привычка читать все подряд у меня осталась навсегда.

А когда объявили, что в космос полетел Юрий Гагарин, она прямо с урока вывела нас на улицу. Запрокинув головы в совершенно синее апрельское небо с прозрачными белыми облачками-пушинками, подсвеченными золотом, мы слушали о том, каким теперь свободным и сильным станет все человечество – и как хорошо и правильно, что первым стал герой из нашей великой страны!

Во втором классе меня перевели в другую школу, потому что в ней – и больше нигде в городе – уже с этого возраста начинали учить английский язык. Учительница там была моложе, одевалась она разнообразнее, но мне казалось, что ей все время что-то мешает и, чтобы не показывать этого,

она относится к своим ученикам холодно и сурово. Думаю, у нее была близорукость: она все время щурилась, но очков не носила. Возможно, это приводило к некоторой скованности и рассеянности, когда она писала что-нибудь на доске. У нас с ней отношения сразу не сложились: моя так называемая «врожденная грамотность» заставляла замечать малейшие описки Лилии Михайловны, а убежденность в том, что все ошибки нужно исправлять, не давала вовремя промолчать. И таких моих грамматических выступлений перед всем классом было немало, что, естественно, не могло нравиться учительнице. С другой стороны, она знала, что я права и наказывать меня не за что. И все-таки из педагогических соображений поставить меня на место было необходимо.

Наш класс расположен на первом этаже. Идет урок русского языка. Мой ответ у доски уже окончен. В тот момент, когда я собираюсь сесть на место, за окном проезжает телега. Учительница внезапно говорит:

– А теперь дополнительный вопрос: объясни нам, что такое телега.

Нам никогда не давали таких заданий в младших классах. Я не понимаю, что это вопрос на засыпку, а воспринимаю его, как игру в слова. А более интересной игры для меня нет!

– Телега – это большой деревянный ящик на колесах. В него запрягают лошадь и перевозят людей и вещи...

– Достаточно. Садись.

После этого тактика поведения Лилии Михайловны по от-

ношению ко мне изменилась. Она больше не задавала мне каверзных вопросов и ничего не говорила, когда я указывала на очередную ее опisku, а молча исправляла ее. А когда мы встретились на улице лет через двадцать пять, она не просто узнала меня и ответила на мое приветствие, но заулыбалась так, как не улыбалась никогда в школе. И я вдруг увидела не схему-училку, а живую, чувствующую и очень неглупую женщину...

Первые друзья

Тем летом мне исполнялось шесть лет, а за несколько месяцев до этого мы все – мама, папа, бабушка, дедушка и я – переехали в отдельную трехкомнатную квартиру в новом доме. Он находился в одном из самых красивых районов города. Из окна квартиры был виден прелестный бульвар с памятником Александру Сергеевичу, а в огромном, как мне тогда казалось, дворе мы гуляли с моими первыми друзьями, позже – играли в теннис, потом – жили предчувствием первой влюбленности... Взрослели и что-то понимали.

Я привыкла жить в большой семье, хотя, в силу своего характера, часто мечтала о том, чтобы закрыться в какой-нибудь комнате и побыть одной, но так не получалось. А семья все росла: приехал сын папы от первого брака Саша (правда, после окончания школы он уехал), родился мой брат. Потом уже, когда у нас добавилась еще одна комната, я вышла замуж, родилась первая дочка, и мы какое-то время жили все вместе.

Вся моя сознательная жизнь связана с Заинькой – Заей – Зоей. Мы жили в одном доме, ходили в один садик, гуляли в одной компании. Мы разъезжались на разные улицы, по разным городам и странам. Мы выходили замуж, рожали и воспитывали детей, болели и выздоравливали, выхаживали и хоронили родителей. Но эта связь не прерывалась нико-

гда, и мы в любой ситуации могли положиться друг на друга. Многим ли людям так везет – дружить больше шестидесяти лет?

Родители говорили про нас: кумушки. Нам было интереснее сидеть дома и вместе читать что-нибудь или бродить по двору и разговаривать стихами, плетущимися тут же, экспромтом, чем играть в прятки или ездить на велосипеде. А третьим в этой компании часто бывал Никита, который жил в нашем же подъезде и с которым мы вместе ходили в первый класс. Не знаю, почему он бродил с нами, а не бегал с другими мальчишками. Может быть, ему казалось, что нам скучно вдвоем или что нас могут обижать другие дети (ни того ни другого и в помине не было), и он, добрая душа, хотел нас как-то поддержать. Он был маленьким, худеньким, светловолосым и голубоглазым, но эти светлые глаза смотрели так прямо и открыто, что сразу было понятно: раз уж он решил дружить – будет дружить, надо будет защищать – будет защищать от кого угодно. У него были замечательные родители, люди простые и дружелюбные, но чувствовалось, что за этой простотой стоит что-то очень сложное. Я краем уха слышала разговоры о том, что они приехали откуда-то из Читинской области и нанялись работать дворниками, чтобы получить жилье. Став старше, я узнала, что от Читы до Уссурийска в свое время раскинулся Бамлаг – один из «исправительно-трудовых» лагерей страшной системы ГУЛАГа; там силами заключенных началось строительство БАМа, знаме-

нитой Байкало-Амурской магистрали. Как и в случае с колымскими лагерями, многие из тех, кто выжил, отбыл свой срок или был реабилитирован, уезжали в центральные районы страны, хотя часто у них там не оставалось ни родственников, ни жилья. И тогда у меня сложилась более или менее цельная картина относительно этой семьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.